

Стандарт настроений

Вадим Козин — всегда желанный гость гастрольно-концертных организаций. Он привлекает публику, делает сборы. Совсем недавно концерты Козина с большим материальным успехом прошли на курортах. Козин — один из тех представителей «легкого» жанра, молва о которых летает по городам и весям вслед за истертыми патефонными пластинками...

Что же такое искусство Вадима Козина? Действительно ли оно настолько художественно, содержательно и обаятельно, что имеет право на особое внимание аудитории, что его никак нельзя отнести к явлениям малозначительным, временным, конъюнктурным?

У Козина есть несколько любимых приемов исполнения. Их легко запомнить. Измученное, страдальческое выражение лица, почему-то напоминающее трагическую маску античного актера. Вялая, искусственная улыбка. Пристальный, точно кого-то гипнотизирующий взгляд из-под полуопущенных век. Звонящий шопот. Несколько порывистых шагов от рояля к рампе. Протянутая в зал рука: «Тайна эта — ты!»

В зависимости от репертуара, перечисленные приемы повторяются то реже, то чаще. Они стандартизированы и рассчитаны на внешний эффект. Уже во втором концерте ничего нового Козин, как исполнитель, не предлагает. То, что

НА КОНЦЕРТНЫХ ЭСТРАДАХ

было неожиданно и заставляло присматриваться к певцу вначале, — быстро начинает надоедать. Почему? Да потому, что творческий диапазон певца, его способность создавать живые, художественные образы — очень ограничены. Стандарты внешней выразительности Козина оказываются стандартами его настроений.

В самом деле, больше всего Козин поет о любви, точнее — о горькой, безответной любви. Пусть она символизируется веткой сирени, умолкнувшим роялем, седым локоном, — она всегда напоминает пепелище, погребальную урну. Это обязывает исполнителя к одному и тому же профессиональному наигрышу: у героя Козина должна быть искалеченная душа, герой становится поэтом в силу того, что его разлюбили, не поняли, бросили. Так репертуар Козина заполняется наредкость монотонными, сентиментально-слащавыми произведениями вроде «Восемнадцати и девятнадцати», «Осени», «Весеннего забытого танго». А к ним с легкой руки исполнителя присоединяется и кабацкая «Пара гнедых»...

Что уж тут говорить о простой человеческой любви, способной наполнять нас радостью, бодростью, силами! Искусство Козина не причастно к этому солнечному чувству. Оно живет в сумерках, в словах, произносимых трагическим шопотом, в мелодиях, унылых и

безнадежных. Оно дышит панихидным пессимизмом, проникнуто позерством и самолюбованием, внешними эффектами, напоминающими пустоцвет.

Вероятно Козин сам иногда чувствует односторонность своего искусства. И тогда на смену настроениям расслабленным, сентиментальным приходят вдруг возбужденная приподнятость, бурное веселье, в которых тонет все. Не трудно догадаться, что речь идет о так называемых «цыганских» романсах и напевах, о произведениях вроде «Бродяги», «Ехали цыгане», «Одывас» и др. Но удивительнее всего то, что в исполнении Козина один цыганский напев, как две капли воды, похож на другой. Те же гортанные выкрики, залихватские интонации и даже как будто тот же мотив. Очевидно и здесь происходит своеобразный процесс стандартизации. И цыганская народная песня, вовсе не ограниченная тематикой и мелодикой, становится в исполнении Козина однообразной, бесконечно повторяющейся.

Козин — артист советской эстрады, и он прекрасно понимает, как важно откликаться своим творчеством на запросы и настроения советского слушателя. Вероятно, поэтому в репертуаре певца изредка встречаются такие песни, как «Рассказ ямщика», «Тучи над городом стали», «Надина косынка». Но они в исполнении Козина настолько слабы, что нередко теряют присущую им обаятельность. Слушая в интерпретации Козина народные песни, чувствуешь, что артист не в своей сфере, что он насколько не взволнован и уж,

конечно, не может взволновать слушателя.

Одну из исполняемых песен — «Шел отряд» — Козин написал сам на текст Сикорской и Болотина. Это — очень странное произведение: слова в нем не имеют никакого отношения к музыке. И героическая поэма о крестьянском мальчишке, погибающем под шашками белобандитов, звучит безжизненно и мертво, как плохой пересказ.

Можно прослушать 30—40 вещей в исполнении Козина и ни одна из них не даст представления о человеческом характере, о переживании, которому хочется сочувствовать, сострадать. Не оттого ли это происходит, что Козин — очень неглубокий артист, что внутренний творческий мир его наполнен банальными, упрощенными представлениями, неизбежно рождающими исполнительский стандарт. Дело тут совсем не в ограниченности жанра. Есть певцы, умеющие и простой интимной песне придать артистическое благородство, увидеть в ней живую, по-своему замечательную человеческую душу.

Относительной популярностью Козин обязан не столько своим посредственным творческим данным, сколько забвению «легкого жанра» нашими композиторами и певцами. Песня настроений и переживаний нужна массовому слушателю, но ее, к сожалению, слишком редко поют. Козин — один из немногих эстрадников, выступающих с такой песней. Является ли его заслугой то, что он чувствует «спрос» и по-своему, как хочет и умеет, старается его удовлетворить?